

НЕ ПОМЫШЛЯЙ

Даже в солнечный весенний день на высоких холмах Задонья, на их голых лбах, стылый ветер порою до костей нижет. Вот и стараешься найти приют в какой-нибудь глубокой ложине, стекающей к Дону.

Наверху красит серую землю лишь малая россыпь белой крохотной крупки. В украве овражного откоса — тихо, солнечно. Под ногами пружинит мягкая постель прошлогоднего дубового листа. Нынешняя зелень деревьев прячется до поры в набухших почках. Голые ветви, пустые кроны солнца не застыят. И потому здесь тепло, даже знойно. И празднично.

На подстиле серой листвы ярко сияют золотистые россыпи цветов гусяного лука, калужницы; кротко светят белые, сиреневые, фиолетовые свечки хохлаток. Живой многоцветный поток заливаает ложину.

Наверху, на холмах, — стылый ветер, а здесь, в затишке, — солнечный жар, теплая земля в наряде весеннем и дух цветенья. Рай земной, нетревоженный. Сиди и смотри. Дыши терпкой прелью листвы и сладко-душным ароматом хохлаток. Слушай птичьи песни и усыпляющий пчелиный гул. Словом живи, погружаясь невольно в блаженную дремоту, не больно понимая уже: это — явь или сон золотой, который легко спугнуть.

Коричневый большой заяц, вынырнув из кустов, неторопливо проковылял косогором и остановился, замер, не сразу продолжив свой

путь. Видно и он понимал, что теперь не время куда-то спешить.

В один из дней той же весны порою вечерней оказался я на берегу речном. Нынешняя зима в краях от нас северных выдалась снежной. Мы радовались, ожидая у себя, на Дону, хорошего половодья. Так оно и случилось: вешняя, прибылая вода в мае высоко поднялась, затопив луговины, протоки да старицы, лесистые низины, где тополя да вербы оказались по колено и по пояс в воде.

Даже на взгорке, возле бывшей паромной переправы, вода подступила к старым осокарям, обмывая могучие узловатые корневища.

Здесь я и устроился под развесистыми тополевыми кронами.

Просторен Дон в весеннем своем разливе. Просторен и могуч. Низовой левый берег тихо полоняет он, затопляя камышовую да вербовую гущину; берегу правому, горскому, он кажет свою силу, подмывая и руша обрывистые кручи холмов.

Но теперь шумное половодье уже отыграло. Тихие волны поплескивали у ног моих. Тихая вода лежала просторно, широко и далеко в блескучей солнечной ряби.

Просторы и мощь текучей воды неволею завораживают. Это была моя родная река, с детства знакомая и до нынешних лет не оставленная, но сейчас, в вечеряющем свете, в полноводье она

виделась такой могучей, в чем-то таинственной ли, загадочной, как и всякая природная дикая сила.

Молодая, светлой зелени листва тополевая мягко шумит над головой, невеликие волнeshки поплескивают возле ног. Рядом на большом теплом камне пристроился малый угольно-черный ужонок в золотой коронке. Он отдыхает, греется после долгой дневной охоты в еще холодной воде.

Сидим, провожая день нынешний, которому повтора нет.

Ни о чем не думается, память молчит, со-знавая тщету свою, людскую, жалкую рядом с вечным: весна, теплый вечер, текучие воды. Рядом и вместе с вечным, сливаясь с ним: мягкие сумерки, плеск воды, близкое небо, уходящее солнце, малая плоть человеческая.

Городское утро. Та же самая – славная, весенняя пора. Обычные ранние прогулки в нашем невеликом сквере становятся по-весеннему привлекательны. Даже во дворе, выйдя из подъезда, чуешь цветенья дух. Вот они – кусты сирени в тяжелых кистях: белые, фиолетовые, лиловые. Сладко пахнут, перебивая утреннюю дворовую автомобильную вонь. А прежде цвели абрикосы, потом четыре яблони, совсем рядом, возле музея. Нынче пришел черед кустов ненашенских, декоративных: форсиция, словно желтый пламень, костер; скумпия вот-вот покажет себя. А сегодня для меня неожиданно объявилась пышная белая пена кустов, которых я и названия не знаю. На них веток не видно, такой цвет густой: молочная слитая бeль от маковки до земли.

Подхожу ближе. Вижу, возле куста стоит человек, как говорится, шапочно-знакомый. Поутру встречаемся на прогулке, здороваемся. И только. Он увидел меня, дождался, спросил, указывая на цветущий куст:

– Скажите... Что это?

Я подумал, что он хочет узнать породу, название куста, которого я не ведал, и потому замялся.

– Вот что это? – повторил он взволнованно. – Как, откуда?.. Такая красота.

Теперь я понял его. Но как ответить?.. И все же сказал, скорее самому себе:

– Наверное... Не помышляй, радуйся и благодари.

Он улыбнулся, согласно покивал головой и пошел далее.

Не первый год его встречаю на утренних прогулках. Здороваемся. Лицо у него простое: морщинистое, загорелое; руки – большие, тяжелые. Видно, человек рабочий.

Встречаемся, здороваемся. Но заговорил он со мной впервые.

Славная нынче весна. Пусть и городская. Но абрикосы цвели, яблони. Даже груша нынче объявилась, совсем рядом, под откосом. Хорошо цвела, мощно, чистой бeлью. Нам бы еще майского дождя с грозой для полноты жизни.

ПОМЕСТЬЕ

Хуторской мой приятель, приехав в поселок, навестил меня в новом моем жилище, где я поселился недавно.

Это был обычный дом в три комнаты, одна из которых достаточно просторная. Оглядев ее,

товарищ мой – человек прямой и серьезный – спросил:

– Ты танцевать что ли здесь собираешься?

Я лишь посмеялся. Но потом, позднее, этот вопрос показался мне совсем не смешным.

Вспомнился хуторской дом приятеля, в котором я часто бывал и живал. Дом у него обычный для старого, донского, казачьего хутора: бревенчатый сруб, невеликие окошки, деревянные пол, потолок. Печка, которая делит жилье на две половины: горницу и кухню. На выходе – холодный коридор с окном и темная кладовка. Простор весьма невеликий.

Потому и удивился приятель моему новому жилью: «Танцевать собираешься...» В этой фразе звучало еще и осуждение, которое я понял, а потому посмеялся: «Нашел хоромы...»

Ведь и вправду в нашем поселке в нынешние времена новые дома появились: приглядные на вид, просторные, удобные для житья, порою в два этажа, да еще и с мансардою. В них и в самом деле танцы устраивать можно.

Признаться, я завидую просторным домам. Прежде я видел их в странах иных, ближних и далеких. Потом такое жилье появилось в Подмосковье. Правда, заборы тамошние высоки. Особо не разглядишь. Да и неловко в чужие окна заглядывать.

Но издали смотришь на черепичные крыши, большие окна, а то и стеклянные стены. Что-то представляешь... Теплую зимнюю веранду, пусть невеликий, но спортивный зал с теннисным столом, шведской стенкой, а рядом – парная, косточки погреть, а потом окунуться в бассейн. Разве не хорошо?

Сначала – Подмосковье. А потом даже у нас

в поселке неплохие дома объявились. Правда, стоят они кучно, подпирая друг друга. Обычно я думаю или говорю кому-то: «Этому дому – два ли, три гектара земли с лужайкой, леском и озером».

Надо мной посмеиваются. Это у миллиардера Гейтса поместье с леском да озером.

Или усадьба нынешнего американского президента, которой теперь вроде бы владеет наш человек со славной фамилией Рыболовлев. Он же в придачу еще и остров купил в Эгейском море. Конечно же, с домом. Видимо, неплохое поместье. Недаром за него сражалось несколько богачей-миллиардеров.

Спасибо телевизору. Мы все и все нынче знаем: кто, где, с кем, почему и сколько.

Часто завидуем. Порой осуждаем. Как нынче приятель мой, который, оглядев мое весьма скромное жилище, произнес: «Танцевать что ли собираешься?..»

Танцевать мне уже по возрасту поздно. А вот пожить...

Детство мое да отрочество – это старый наш дом. Бревенчатый невеликий сруб: низкий потолок, тесные стены, малые окошки.

Позднее, уже в возрасте зрелом, приезжая в наш дом в летнюю пору, я иногда пытался вспомнить: как мы вшестером здесь умещались? Кто и где? Прикидывал так и эдак и не мог понять. Но чтобы страдали от тесноты, не помню. Может быть, потому, что рано утром уходили на работу, в школу. Дом пустел.

А в пору теплую, уже ранней весной, все расползались: старший брат в сарае ночевал, я – на веранде, тетушка – в тесном коридорчике. Это – ночь. Весь долгий день, с весны и до поздней

осени, проводили мы во дворе. Там — летняя кухня; возле нее, под навесом, — стол. Там — просторный огород, в котором работы хватает всем. А детворе и вовсе раздолье: широкая улица, соседские дворы — словно свои, рядом — степь и речушка Лог, чуть подалее — Дон, лесистое займище. Хватило бы сил и ног, чтобы с утра до ночи...

В дом, под его крышу, навевались редко. Долгое лето он дремал в тиши, в полутьме, за прикрытыми ставнями.

Для меня это — прошлое. Для моего товарища — день сегодняшний. И потому, когда летней порой я приезжаю на хутор, хозяева, зная обычай мой, говорят:

— В домах будешь ночевать... Надо окна-двери открыть. Чтобы провенулось. Мы туда с весны не заходим.

Так было и теперь, в нынешний мой приезд.

— В домах будешь...

Я ночую «в домах». И дело не только в памяти. Мне нравятся бревенчатые стены, прочные полы, потолок, которым более ста лет и которые никогда не знали краски ли, обоев, прочего лишку. На Троицу полы устилают пахучей травой богородицкой — чебрецом. В запас для зимы на стенах висят пучки душицы, зверобоя, иссопа — донского ладана.

Хорошо в доме дышится, спится легко. Особенно в первый день приезда.

Наутро после крепкого и долгого сна вышел я на крыльцо и неволею замер. С высокого крыльца открывался простор немереный. И взгляду ничего не мешало. Рядом — курчавая зелень задичавших грушевых садов, дальше — огромный луг, высокие меловые обрывы, Львовичева гора

да Кораблева гора, Маяк, Белобочка — курган за курганом высятся, словно стерегут просторную речную долину, чередой уходя в далекую синь.

Обычно, когда я еду в Задонье, на хутор, то на пути дважды останавливаюсь и выхожу из машины.

Вначале на высоком перевале, с которого открывается синее коромысло Дона, — его излучина и все низовое Придонье с блюдами малых озер, жилками стариц, протоков, сочной зеленью луговин да лесистых займищ. Картина приглядная.

Второй раз останавливаюсь, поднявшись на меловую гору после Малооголубинского хутора, откуда как на ладони видны горбатые барханы задонских песков, которые в ненастье теплятся желтизной, словно греют мир, а в солнечной день спят глаза сияющей белью.

Две остановки в пути. Всегдашние. Чтобы отдышаться на высоком ветру. Постоять, озирая просторную вековую землю, нам открытую на короткий, на птичий срок. Постоять, посмотреть, тихо радуясь и вздыхая понятно чему.

А теперь было позднее утро, первый день гостеванья, в котором я многое уже проспал.

Товарищ мой, как всегда на рассвете, съездил, проверил сетчатку. Из отворенных дверей летней кухни растекался по двору приманчивый дух жареной рыбы.

— Ты давай шевелись... — подстегнул меня хозяин. — Не потягивайся, а садись, завтракай и погнали. Я уже все продумал. Первым делом переставим сетку. На устье возле камышей сделаем по тине дорожку. Там тина могучая... Протопчем, поставим сетку. Там линь жирует. Возьмем его обязательно. Там лини — в сковороду не

поместишь. Завтракай и погнажи...

— Куда ты человека гонишь? — заступилась сердобольная хозяйка. — Успеете, день — длинный.

— Если зевать и потягиваться, ему конца-края нет. А если — в делах, не успеешь оглянуться. Сама знаешь, огород поливаем впотьмах.

И вправду, огород поливали в теплых сумерках. А ужинали при электрическом свете.

Долгий день прокатил колесом. С утра на просторном, камышами зарастающем устье речки ставили сетку с немалым трудом протоптав и пробив для нее длинный прогал в тине да цепких водорослях. Там же, возле речки, в низинах накосили травы для захромавшего теленка.

Ездили к Белому роднику за хорошей водой. Заодно в том же углу, в истоке балки, нарезали дубовых веток для зимы, для бани. И сибирьковых — двор мести. Потом во дворе вязали пахучие зеленые веники. С обеда, не отдыхая, подались через речку на Кораблев бугор за смородиной для вареников и вроде в разведку, чтобы назавтра всерьез заняться смородиной. И попутно отыскать хороших жердел — диких абрикосов для варенья и сушки. Они, степные, бывают лучше садовых: крупные, сладкие.

К вечеру успели сетку проверить. Двух хороших линей подняли да пяток вездесущих карасей-«гибридов». И большую водяную черепаху полчаса из сетки выпутывали. Занесло ее... Потом немалый огород поливали.

Так и прошел день. Ужинали во дворе при лампе, рассуждая о дне завтрашнем. И после недолгих раздумий поход за смородиной решили отставить: она, эта ягода, никуда не денется. Тем более что чуть подальше, за Сухой Голубой,

в посадках тамошних, смородина нынче буйно цвела и майские утренники ее не тронули. Надо проверить.

А завтра с утра, пораньше переделав дела домашние, решили податься за Дон, за раками на озера. Круглое, Лопушное, Шемаристое... А заодно наведаться к старым, еще колхозным скотным базам — летникам. Там шампиньонов бьет море.

После долгого дня в тихом доме я засыпал как-то странно: проваливался в небытие, а перед закрытыми глазами кружил и кружил день нынешний: светлое небо его, синяя речная вода и белая родниковая, зелень и цвет холмов, и огромного приречного луга с фиолетовыми озерцами шалфея, золотистыми ручьями зверобоя по водотокам, жилистым татарником в мохнатых малиновых цветах.

Кружился день нынешний... А потом почему-то стал видеться завтрашний: могучее речное лоно, белый песчаный берег, подмытые водой обрывы — места знакомые. Гнездо орланов-белохвостов на старом тополе. Песчаная белая дорога по дубняку, а потом через протоку. И озера... Поплутное, Банное... Бобровые запруды, ондатровые хатки. Светлые, видимые пути речной выдры по дну, под водой. Крестовое озеро, Песчаненькое... Там — сазаны. Тихая вода в укрыеве старых тополей да верб.

И вот тут, уже в полусне, меня вдруг осенило. Я вспомнил свои недавние мечты ли, грезы о жилье и житье просторном, которое отлично от городских этажей, окон, балконов, лоджий или усадеб в пригороде: два ли, три этажа, двор, цветник. И даже для всего мира завидное: собственный остров Скорпиос в Эгейском море...

Всего лишь малый островок длиной в километр.

Завтра, через Дон переправившись, нам шагать и шагать.

Здесь придонские озера раскинулись тремя просторными полукружьями, подпирая друг друга. Коромысло первое, второе и третье. Размах километров в двадцать. Десяток верст вглубь. В первом ряду Крестовка, Лопушное, Шемаристое, Большое да Малое Слуховое, Круглое. Чуть поодаль, такой же дугой: Поплутное, Свинорои, Куги, Клешни, Синие Талы. И последние, самые большие и глубокие: Бурунистое, Песчаненькое, Лубники.

На следующий день мы добрались и до них. Это был долгий день, в котором уместилось многое: лесные, затравевшие дороги и тропы, тихие озера, окраины которых процеживали мы бреднем. Больше впустую.

Говорливый приятель мой не в первый раз вспоминал прошлое, когда здесь сено косили, запасались дровами; в конце лета, в обмелевших озерах рыбу ловили считай руками; в свою пору рубили вербовую лозу для плетней-заборов и всякого рода корзин, а озерным чаканом ли, рогозом крыли дома, сараи, да еще плели удобные для домашнего быта сумки: «зембели» да «кошелки».

За долгий день в нашем пешем походе не встретили мы ни одного человека. Лишь на Дону протарахтела чья-то моторка, поднимаясь вверх. А в лесном займище — только птичьи песни. Да любопытные черные норки шныряют на берегах озер. Редкие следы кабанов, их порои, где они лакомятся сладкими корнями рогоза. Вот и все. Молчаливые травы. Шепот листвы в вершинах деревьев.

Поздним вечером, уже готовясь ко сну, при-

сел я на перила высокого крыльца. Летний розовый закат остывает долго, порой до полуночи. От реки в такую пору наплывает парное тепло, и потому звуки и запахи вечерней жизни выступают отчетливей. Чуюлся острый дух раков вареных и укропа — приправы к ним — наша трапеза, и сладковатый — кипяченого молока, которое хозяйка оставила на ночь во дворе.

Птицы стихли. Летучие мыши бесшумно реяли рядом. Погромыхивал цепью дворовый пес, устраиваясь на ночлег. Где-то совсем далеко протяжно и по-детски потерянно-тонко теленок звал свою непутевую мамку.

В этой вечерней тиши осязаемо чуюлся покой и простор, никем не тревоженный и огромный.

И снова мне вспомнился остров Скорпиос и его счастливый хозяин. Но вчера ли, сегодня, а может быть, лишь сейчас очень ясно, отчетливо понял я, какая малость этот знаменитый собственный остров, за который сражалось несколько богачей-миллиардеров, но победил, заплатив немислимые для мира, шальные деньги недавний землячок наш со славной фамилией Рыболовлев. Теперь он — хозяин поместья, в котором главное не дом, а собственный остров — кусок земли в море Эгейском длиной почти в один километр и шириной вчетверо менее.

Мой товарищ, хуторской мой хозяин, владеет иным, много и много большим.

Дом его — не больно великий, но крепкий, бревенчатый. Рядом — летняя кухня, там — печка, стряпня и ночлег. Но вся его жизнь протекает не в тесных стенах под крышей. Двор, базы, стойла скотьи и птичьи, огромный огород с грядками, лунками, плодовыми деревьями и кустами. Но все это — лишь малая, крохотная часть владенья.

Главное – вокруг, далеко и рядом: просторная земля, которую взглядом не окинешь.

Обезлюдивший хутор с его пустошами, выгонами, скотскими толоками и немереная округа: приречный луг, холмленная долина малой речки – донского притока, береговой лес, за ним – Дон, до него ходу немного. У берега – лодка. Хочешь, плыви на Голубинский остров, там лещ берется, на Клешни, под Белую гору, – сомов попытаться, к Желтому мысу, на быстрину и суводь – за жерехом или на левый берег, где вовсе простор: озера, старицы, протоки. А по тверди земной, степными дорогами, тропами: Ремнево, заросшее колючим шиповником, давно заброшенные Желтухин сад да Гусаркин, Якубов кут да Сазонов. Красные яры с журчливыми перекатами, Семибояринка, Большая яруга... Пешком ли, а когда ног жалко – на велосипеде, подальше – на машине. Пыли да пыли... Вверх по Дону: на Картули, Кисляки, Герасимов, а то и Сиротино. «В Сиротину – пешком, на горбу с мешком», – так в старые времена говорили. Теперь – иное. В другую сторону, вдоль малой Голубой речки – к Теплому хутору, к Найденову и выше, до самого истока на перевале, у Венцов, и далее к хутору Муковнину, где из Булавинских да Каменских родников другая малая речка рождается – Лиска.

Рыба ли, грибы, шиповник, боярка, смородина, пахучие травы, скотьи выпасы, сенокосы, по весне – лазоревый цвет да ландыши. Все это для моего товарища свое, привычное. Он здесь родился, вырос и теперь живет на своем поместье.

Обыденность бытия, когда будто не замечаешь щебета ласточек, их быстрого лета, го-

лосистых по весне скворцов, тихого переклика шуров в поднебесье, соловьиного боя, высокого неба в коротком, перед восходом, утреннем розовом разливе или вечернем, долгом торжественном полыханье.

Всего этого будто не замечаешь. Как и простора земного. Просто живешь этой жизнью, своими заботами и трудами. Но внимаешь всему. Знаешь, сколько гнезд ласточки нынче слепили на твоём подворье; приходишь на помощь им, когда сороки или змея-«желтопуз» зорят гнезда с яичками да птенцами. По весне, ожидая скворцов, чистишь их деревянный домик; иначе они могут не поселиться. Соловьиные трели порой тебя остановят поздним вечером. Встанешь и слушаешь. И алые степные тюльпаны, душистые ландыши в свою пору приносишь в дом. Для жены, для себя.

В этой жизни нет времени и привычки к пустому любованью. Но порою осенней невзначай услышишь, поднимешь голову и замрешь, провожая караваны перелетных птиц и отзываясь душой на печальные клики. А ночами весенними будит тебя их неистовый, счастливый прилетный гогот.

Полноту этой жизни и потому привязанность к ней не вдруг объяснишь, когда спросят.

– Ну... Тут у нас... Как-то просторночко... – когда-то ответил мне мой приятель; и в подтверждении слов своих – долгий огляд во все стороны: белью сияющая Львовичева гора, могучий Прощальный курган, речная долина, уходящая вдаль, береговой лес.

Смушенная улыбка. И облегченный выдох. Разве не понятно?..

И ведь в самом деле «просторночко»: от Бу-

лавинских родников до Бурунистого лишь на прямую, птичьим летом около сотни верст. Это вам не остров Скорпиос — всего лишь в один километр длинной, а поперек — много менее.

ВСЕ ВЫШЕ...

Нынешний год весна к нам припоздала: дождело да хмурилось, солнца, считай, не видели. Лишь в середине апреля посветлело, потеплело, зазеленело, а потом чуть не разом все зацвело в садах, в степи. В такую пору под крышей не усидишь. Душа просит простора, воли.

Вот и поехал я прогуляться, проветриться. Миновал поселок. Проскочил по мосту через Дон; с асфальта свернул, сбавив ход. Катил и катил помаленьку, а потом и вовсе встал на обочине грунтовой, обсохшей дороги.

Смолк мотор, и сомкнулась потревоженная машиной тишина. Но это не была глухая осенняя ли, зимняя тишь. Это пришла, наконец, весна.

Не загадывал я, куда ехать и где останавливаться. Но, как говорится, Бог припутил к месту славному. С холма высокого открывался земной простор на долгие и долгие версты, вмещающая в себя темную зелень хлебных полей, серебристые ковыльные да полынные непаши, белесые солончаки, отроги балок, заросшие тернами да диким миндалем — все в цвету, словно в пахучей пене, белой да розовой.

Людские селенья: Пятиизбянка, Кумовка — далеко внизу, возле Дона; в полях — тишина: отпахались, отсеялись; лишь редкие ныне, осторожные суслики посвистывают, сторожа покой.

Это — на земле, а в просторном небе — чистая

синевая, яркое солнце и птичьи песни. Высоко в поднебесье тонко позванивают острокрылые шуры, порой вспыхивая в солнечном луче яркой желтизной, словно оправдывая красивое имя свое — шур золотистый. В песчаных да глинистых обрывах верещат ласточки-береговушки. Кое-где на пригорках токуют хохлатые удода, распуская да складывая свой нарядный гребень. Но главные певуны, конечно, жаворонки. Их немало у нас, этих невеликих, невидных, сереньких птичек: степной, малый, рогатый и, конечно, — хохлатый, который зимует здесь, с нами, в снежную пору стайками перепархивая по высоким сухим травам да по обочинам дорог в поисках скудной пищи. Он первым встречает весну на обтаявших пригорках, пожуркивает, но не поет.

Нынче пришел его час — пора жаворонка: весеннее тепло, ожившая степь, яркое солнце. Эту малую птаху не вдруг и не всякий увидит на земле и в небе: серенький комочек перьев. Но как поет! Переливчато, звонко, за трелью трель.

И у всякого певца свой обычай: одни на земле пожуркивают, словно пробуя голос; другие на низком кусте выводят рулады; но самые голосистые, конечно, в небе, на взлете или в долгом паренье.

Вот он поднимается, все выше и выше. И вовсе пропадает. Но все звонче его переливчатая трель. Один жаворонок, а рядом — другой. Их много и много. Кажется, что это степь поет весенним звенящим многоголосьем. Слушаю, поднимаю голову, долго гляжу, жаворонков в небе выискивая, шурюсь от солнца. И вот оно,

словно награда. Не серый комочек, но серебристая птица вспыхивает. Ясно вижу, как сияют, пронизанные солнцем крылышки в полном размахе, трепете и веерок хвостового оперенья. Сияют и спелят. Опускаю глаза. Но вижу эту серебристую сказку, словно виденье.

Просторная зеленая степь, высокая синева, солнечный полуденный жар и звенящие трели.

Это уже не птицы, это земля и небо поют, славят весенний день, как счастливый час воскресенья.

В такую пору о времени забываешь. Так было и теперь. Слушал, дышал, смотрел. Потихоньку куда-то брел, тихо радуясь могучему терновому цветку, тонкому духу его, кипучему муравейнику, золотистым россыпям гусяного лука, редким ныне колокольцам сон-травы, густо-синим, с нежной опушкой; полянам алых цветущих маков.

Из-под ног моих то и дело вспархивают жаворонки. Взлетит, зажурчит и утонет в высоком небе, посылая за трелью трель, словно весть благую, всему белому свету, а значит, и мне, грешному. Спасибо... И спаси тебя Бог, милая птаха.

Так я брел и брел, весной замороженный, пока не почувал ли, не увидел тени облаков, бегущие по земле. Тень и свет. Облака были белые, высокие. Словно в паруса подгонял их неспешный северный ветер. Значит, будет меняться погода.

Пора было уходить, уезжать из этого тихого просторного мира.

Подошел я к машине и еще раз, словно прощаясь, взглядом обвел близкую и далекую зем-

лю: хлебные поля, далекие в синем мареве курганы, близкие лощины, потом поднял глаза к небу и вдруг увидел большую белую птицу, которая стремительно уходила вверх. Сначала я не понял, начал гадать. Белая цапля? Нет. У нее тяжелый полет. Лебедь? Нет. Вроде, чайка... Но слишком быстрые, резкие взмахи крыл. Белая птица уходила все дальше и выше. Рядом — облако. Белая птица ныряет в него, пронизывает. И вот она снова на синеве. Все выше и дальше. Кажется, это лунь. Лунь степной. Белый испод, узкие крылья, быстрый полет. Но я уже не гадаю, а просто смотрю, радуясь.

Все дальше и выше уходит белая птица, пронизывая за облаком облако, все больше утопая в синей бездонной глубине. Скоро она исчезнет.

Смотрю, радуюсь, завидую. Полету, далекому небу, белым пушистым облакам. Тем более что ведомы и мне радость и счастье полета.

Кажется, еще недавно я так же, как эта белая птица, летал и летал. Во сне. Помню и теперь эти полеты. Не раскрылатившись, но протянув и прижав руки вдоль тела. А голова поднята, чтобы видеть. Вначале над землею низко и быстро. Мелькают дороги, строенья, деревья — все земное. Но прочь от него и — вверх. Все выше и выше, пронизывая и купаясь в белых пушистых облаках. Все выше... С замиранием сердца. Все выше и быстрее... Как эта белая птица, которая ушла, улетела в далекую неведомую синь.

Она не искала там поживы. Степные луни кормятся от земли. Это был просто счастливый полет сильной красивой птицы в ясном весеннем дне. Все выше, и выше, и выше...

ПОМНЮ СВОЕ

Обратилась ко мне племянница за советом: нужен хороший репетитор по математике.

Вчера ей позвонила учительница, классный руководитель, сказала: «Ваш сын дроби не понимает. Наймите репетитора, иначе будет двойка». Вот и пришла племянница с вопросом: «Кого нанять? Кто у нас в поселке математик хороший?»

Подумали, поспрашивали, нашли выход. Но у меня, человека старого, появилось еще одно нынешних времен недоуменье: классный руководитель, она и ведет математику; а вот с «дробями» пускай репетитор занимается. Иначе – двойка.

Для меня это – непонятно и дико еще и потому, что помню свое, давнишнее, но бывшее. Помню отчетливо: идет урок, у классной доски мучается Витя Гуляев или Валентин Быков, а рядом Раиса Семеновна или Клара Сергеевна – молоденькие у нас были учителя в семилетней школе № 2. Гуляев, Быков, Лузиков – друзья мои, по соседству живем. Вместе в школу идем. А вот возвращаемся иногда порознь. Учатся мои друзья не больно хорошо. И потому нередко слышат от одной ли, другой учительницы: «Гуляев, Быков... Остаются после уроков».

«После уроков» – это занятия дополнительные с учениками нерадивыми. Отстающими их называли. Снова и снова им объясняют, диктуют, втолковывают. Ученикам, конечно, несладко после уроков сидеть, но и учителям – хорошего мало. У них – свои семьи, домашние дела и заботы. А тут – снова и снова: «После шипящих

слышится «ы», а пишется «и»... Понятно? Пишите: «Пушистый, жирный, широкий...»

Непросто было учителям. Но доставалось и нам, ученикам успевающим, а мне – «отличнику» – тем более. «Подтягивать отстающих» – так это называлось. На пионерских, на классных собраниях главный вопрос – помощь отстающим: прикрепить к ним «отличников» да «хорошистов», и чтобы «подтягивали». Отличников было не больно много. После четвертого класса, кажется, я – один. Вот и «прикреплялись». Конечно, к Вите Гуляеву, он жил недалеко. А еще – Колька Семенов, брат и сестра Лебедкины, Быков Валентин. Одному математика не дается, у другого – русский, потом и вовсе пошло – физика, химия, геометрия. Занимались. И был от этого толк. Особенно в младших классах. Позднее началось иное: «Дай списать!» Особенно математику, физику, геометрию. «Дай содрать».

Времена были трудные. Девтора хуторская училась недолго: пять ли – шесть классов. И уходили работать. В колхозе всякие руки нужны. Наши поселковые учились дольше: семь ли, восемь классов, а кто-то и дальше, порой с трудом, но тянул. Таким помогали. Опять-таки учителям доставалось: «Остаешься после уроков, на дополнительные...» И мне – «отличнику» – нагрузка: заниматься с отстающими, с теми, кто поближе живет: Костя Карагичев, Алексей Калмыков, Петро Москвичев... Костя признавал лишь одно: «Содрать!.. Не морочь голову. Давай тетрадку». Списывая у меня задания домашние, он лишь одного опасался: как бы на

«пятерку» не налететь. Сразу поймут учителя. И потому просил: «Подскажи, где ошибки сделать». А вот Алеша Калмыков всерьез принимал помощь: слушал меня, старался понять, потел от напряжения. Десять классов он все же окончил, а потом ушел в армию, во флоте служил. Встретились мы лишь единожды. Он был при форме: бескозырка, широкие брюки-«клевш», полосатый воротник и «тельник». И всегдашняя Алешкина улыбка: от уха до уха. Таким его и запомнил.

Это – о прошлом. А речь ведь о нынешнем. С племянницей и сыном ее, слава богу, разобрались. Освоил он дробь.

А через короткий срок в какой-то газете под занимательной рубрикой «Вся la vie» прочел я историю, которая всколыхнула еще не остывшее. Тоже о школе речь, о столичной. Суть простая: написать домашнюю работу у одноклассника – только за денежную плату, а если еще и с объяснением, то вдвое дороже. Слова школьника: «У нас в классе все так делают... Любой труд должен быть оплачен».

Прочитал я, повздыхал, а потом, пошарив в ящиках письменного стола, достал невеликий пакет со школьными фотографиями, которые делались в конце учебного года. Приезжал фотограф в заранее назначенный день. Рассаживались: первый ряд, второй, третий. В центре классный руководитель – Ольга Семеновна.

Черно-белые снимки. Вот они – мы: совсем малые, а потом взрослеющие. Первый класс, второй, четвертый... Последний – седьмой.

Коля Вишняков, Коля Арьков, Лена Еремينا, Нина Беленькова... Помню всех.

Помню время, которое нынешнему не чета: послевоенное, голодное, о хлебе мечтали; чтобы не желудевые лепешки, не пустые щи с лебедой, не тыква да свекла, а хлебушка – досыта. Но вот чтобы «зарабатывать мозгами», требуя от друзей-одноклассников какую-то плату за «домашку»... Такого и в мыслях не было. Потому, наверное, и расставались по-доброму, позднее встречались тепло.

Теперь вот – старые фотографии да светлая память.■